

УДК 930.9

А.Т. Кашенов

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Томский государственный педагогический университет

Превращение промышленных занятий в один из важнейших источников первоначального накопления капитала в Западной Сибири исторически было связано с поступательным развитием ремесла и мелкотоварного производства. Сибирские предприниматели (купцы, мещане, крестьяне) приходили к участию в промышленном предпринимательстве двумя основными путями: а) посредством перерастания принадлежавших им мелкотоварных кустарных производств в капиталистически организованные предприятия; б) за счет вложений в промышленное производство капиталов, накопленных в сфере торговли.

Развитие мелкой промышленности в форме ремесла и мелкотоварного производства обусловило конкуренцию между мелкой промышленностью городов и деревень. Крестьянскую промышленность поддерживало, в противовес купечеству, большинство дворян, поскольку она представляла для них дополнительный объект эксплуатации. Крестьянская промышленность в форме ремесла и мелкотоварного производства достигает в середине XVIII в. таких размеров, что становится серьезным конкурентом ремеслу, мелкотоварному производству и даже мануфактурам городов.

Крестьянское промышленное производство не подлежало официальному статистическому учету, поэтому невозможно непосредственно определить его объем. Но, судя хотя бы по жалобам купцов в комиссию 1767 г., можно считать, что она пустила глубокие корни в хозяйство страны. Купцы и городские ремесленники всячески боролись за монополию промышленного производства.

В Западной Сибири предпринимательство крестьян и мещан было сильным конкурентом на пути купеческого предпринимательства. Предпринимательство крестьян прослеживается в различных отраслях экономики, в том числе в промышленности. Прежде всего, здесь необходимо отметить сословно-податную группу торгующих крестьян, которая представляла собой «верхушку торгово-промышленного крестьянства» [1, с. 24]. Учреждение этой сословной группы на основе указов 1714 и 1724 гг. предоставляло крестьянам легальные возможности для занятия промышленностью [2, 3].

Подаявая в Комиссию о коммерции свои мнения, купцы ряда городов жаловались, что крестьяне «промышляют кожевенными заводами» так же, как и они. Купцы также сетовали, что крестьяне содержали еще и мыльные, солодовенные и другие заводы и вырабатывали крашенину. Хотя и нельзя принимать на веру все жалобы растущей буржуазии на конкуренцию крестьянской промышленности, несомненно, что мелкотоварное производство крестьян в это время росло и представляло собой серьезного соперника мелкотоварному и даже мануфактурному производству в ряде городов и посадов.

Мелкая, в том числе и крестьянская, промышленность подвергалась с конца 1730-х до конца 1760-х гг. сильным правовым ограничениям, а временами объявлялась, по существу, вне закона. Все это делалось в интересах крупного капитала, которому предоставлялось преимущественное право развивать промышленное производство. Такая политика, конечно, не могла не отразиться на состоянии мелкой промышленности. Преследования так называемой безуказной промышленности нередко вызывали острые протесты со стороны владельцев мелких мастерских. В 1751 г. всем, кроме «настоящих фабрикантов», было запрещено производить товары [4]. Владельцы мануфактур возбуждали просьбы о запрете заниматься промышленностью как городским, так и деревенским «безуказным» жителям, т.е. ремесленникам и мелким производителям, работавшим на рынок.

Порядок устройства промышленных заведений, в отличие от торговых, был обставлен гораздо большим числом стеснительных правил; примером тому были ст. 69, 264, 265 Устава о промышленности, некоторые правила из Устава о прямых налогах и т.д. [5, с. 30]. Учреждение частными лицами предприятий в целом ряде так называемых указных отраслей (стекольной, писчебумажной, суконной, горнозаводской и др.) могло происходить только с разрешения Берг- или Мануфактур-коллегии.

В 70-х гг. XVIII в. царское правительство постепенно начинает ликвидировать привилегии «указных» фабрикантов. В Наказе Екатерины II содержались возражения против «монополь» в области как торговли, так и промышленности. В конце 1760-х гг.

было разрешено всем желающим заводить у себя ткацкие станы с предварительным заявлением об этом Мануфактур-коллегии и уплатой соответствующих налогов (на получение «билета»). Такое изменение экономической политики объясняется главным образом тем, что в это время мануфактурная промышленность достигла значительного уровня, растущие капиталистические отношения вынуждали правительство проводить политику относительно свободного ее развития. В 1775 г. издается распоряжение о том, что «всем и каждому дозволяется и подтверждается добровольно заводить (и иметь) всякого рода станы и рукоделия производить, не требуя на то уже иного дозволения от вышнего или нижнего места» [6, с. 84].

«Жалованная грамота городам» разрешала заводить различные промышленные предприятия городским самоуправлениям. В ст. 18 говорилось: «Городу дозволяется, где удобно, на городских землях завести, построить и содержать мучные, или пильные, или иные водяные, или ветреные мельницы». Правительство, будучи заинтересовано в развитии городской промышленности, предоставляло соответствующие возможности иногородним и иностранным купцам. Статьями 124 – 131 «Жалованной грамоты городам» им предоставлялось право иметь фабрики, мануфактуры, заводы, причем в законе ничего не говорилось о податях и повинностях [7, с. 72, 134].

В развитии крупной мануфактурной промышленности в России XVIII в. государство играло значительную роль. Промышленники получали существенные привилегии: им предоставлялись казенные ссуды, давались приписные села, разрешался сбор повинностей и т.д. Предоставление льгот промышленникам, поощрение учреждения мануфактур, по словам П.А. Хромова «составляли один из методов первоначального накопления, искусственное средство «фабриковать» фабрикантов» [8, с. 115].

Постоянно выходили указы, поощрявшие заведение промышленных предприятий, как, например: сенатский от 8 октября 1756 г. «О заведении и размножении в России стальных и железных фабрик по примеру находящихся в Сирии»; сенатский от 18 февраля 1763 г. «О предоставлении свободы каждому заводить сусальные и шпалерные фабрики», сенатский, вследствие Именного от 20 октября 1769 г. «О дозволении всем желающим заводить ткацкие станы, с объявлением о том в Мануфактур-коллегии и с платежом положенной на них подати» [9–11].

Однако роль подобных государственных мер была неоднозначной. В случае несвоевременного возвращения промышленниками казенных кредитов или возникновения недоимок их предприятия отписывались в казну, при этом разница между стоимостью предприятия и суммой долга, как правило, владельцу не возвращалась или компенсировалась

не в полном размере. В официальных документах, например, в ведомостях Мануфактур-коллегии, заводчики нередко именовались не владельцами, а лишь «содержателями» промышленных заведений. Характерен, например, указ, по которому заводчики, производящие медь, железо и чугун, должны были сдавать в казну десятую долю металла [12].

Развитие промышленности остро ставило проблему рабочей силы. Уже в законодательстве Петра I имеется ряд указов и распоряжений, свидетельствующих о попытках правительства расширить сферу применения вольнонаемного труда в промышленности [13, 14]. Однако вольнонаемных рабочих не хватало, труд их был дороже, поэтому правительство вовлекало работников в промышленность с помощью различных форм принуждения. В промышленности широко использовался принудительный труд приписных крестьян, осужденных, ссыльных, «гулящих», пленных, недоимщиков; на мануфактуры отправляли «баб и девок, которые не будут подлежать смертной казни», «незаконнорожденных, пришедших в возраст и обученных разным мастерствам», преступников, осужденных на каторгу и ссылку, раскольников и т.д. В 1721 г. был издан указ, который предписывал: «Для ссылки в работу винных баб и девок отсылать в Берг- и Мануфактур-коллегию» [15].

Вместе с тем проблема рабочей силы решалась и другими путями. Во второй четверти XVIII в. усилились феодальные формы привлечения рабочей силы, поскольку была расширена приписка крестьян к предприятиям и промышленникам разрешалось покупать деревни с крепостными крестьянами для использования их в мануфактурах, «дабы те деревни всегда были при тех заводах неотлучно» [16]. На посессионных фабриках и заводах рабочая сила закреплялась за предприятием и не могла продаваться без него. Несколько позднее эта практика была отменена. Однако указ Сената от 12 марта 1752 г. разрешил фабрикантам и заводчикам покупать крестьян к заводам по своему усмотрению, ограничивалось при этом лишь число душ, приобретаемых отдельными предприятиями [17]. В Сибири статус посессионных получали и мануфактуры, производство на которых основывалось на подневольном труде ссыльных. Активно в регионе использовался и труд горожан, направляемых в административном порядке для отработки числившихся на них казенных и частных долгов.

Крепостной труд в конце XVIII в. занимал в Сибири господствующее положение в полотняной и суконной промышленности, крепостные и приписные работники составляли большую часть занятых в стекольном производстве и более трети – в бумажной промышленности региона [18, с. 584].

В 1762 г. владельцам мануфактур было воспрещено покупать для работы на заводах и фабриках

деревни, как с землею, так и без земли, и было предписано «довольствоваться им вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми» [19]. В 1798 г. фабрикам и заводам вновь было разрешено покупать крестьян с землею и без земли при условии, что купленные деревни всегда будут оставаться при этих предприятиях, а в случае уничтожения предприятий крестьяне перейдут в казну. Указом от 31 декабря 1802 г. в закон о покупке крестьян было внесено уточнение, что эта покупка допускается без права переселения крестьян на другое место, что ставило в невыгодное положение сибирских купцов-мануфактуристов [20]. Лишь в 1816 г. этот закон был окончательно отменен.

По мнению В.Н. Разгона, именно с действием в период с 1762 по 1798 г. правительственного запрета на покупку крестьян к промышленным предприятиям, принадлежавших мануфактуристам, не состоявшим в дворянском сословии, связано сокращение купеческого участия в ряде отраслей сибирской промышленности: писчебумажной, суконной, стекольной [18, с. 530–532]. В то же время на купеческие предприятия, действовавшие в «неуказных» отраслях (кожевенной, мыловаренной, свечносальной, салотопенной и др.) запрет на покупку крепостных не оказал сколько-нибудь значительного воздействия, поскольку эти отрасли базировались исключительно на вольнонаемном труде.

Чтобы смягчить проблему недостатка рабочей силы, Положением о разборке исков в сибирских губерниях, принятым в 1822 г., промышленникам было разрешено нанимать на свои предприятия крестьян, приходивших без паспортов, с одними лишь увольнительными от сельских обществ.

Хотя в конце XVIII в. право промышленников покупать для работы на предприятиях крестьян было восстановлено, оно широко уже не применялось, так как в указанный период промышленные предприятия в значительных масштабах использовали вольнонаемный труд. Изменение экономической политики в этом деле отражало колебание правительства между сталкивающимися интересами феодалов-землевладельцев и растущей буржуазии.

Посессионные предприятия – как частные, так и казенные – самобытное явление в хозяйственной истории России, выразившееся в применении зависимого труда в промышленности. Эти предприятия были специфической формой крупной промышленности России. Они занимали промежуточное положение между предприятиями, основанными на вольнонаемном труде, и вотчинными предприятиями, базировавшимися на эксплуатации крепостного крестьянского труда. Посессионные работники имели в большинстве случаев приусадебные участки, огороды и т.д., были привязаны к посессионной мануфактуре. Значительная часть

посессионных рабочих имела землю, однако труд их на мануфактурах оплачивался деньгами. Владельцы посессионных мануфактур и фабрик не могли продать рабочих без фабрик; они обязаны были выдавать им заработную плату и использовать их только на работах того предприятия, которому они были «крепки». Отношения между посессионными рабочими и фабрикантами должно было регулировать правительство, но делало оно это не всегда [8, с. 129].

При Павле I была предпринята попытка отказаться от применения труда приписных крестьян в горно-металлургической промышленности. 9 ноября 1800 г. император издал указ «Об укомплектовании Горных заводов непременно мастеровыми...». Согласно этому указу, из приписного населения должна была набираться группа постоянных работников, на которую возлагалось выполнение всех вспомогательных операций (перевозка припасов, рубка дров, жжение угля и т.п.) [21]. Указ распространялся на все горнозаводские районы России, в том числе и на Колывано-Воскресенский горный округ. Однако смерть Павла I отсрочила реализацию реформы, а законодательным актом от 4 декабря 1801 г. Александр I отменил распоряжение своего отца [22, с. 126].

В 1840 г. под влиянием роста капиталистических отношений было принято постановление уничтожить институт посессионных предприятий. Согласно этому постановлению, государство выплачивало промышленнику за каждую увольняемую ревизскую душу (мужского пола) 36 руб. (если работники были куплены фабрикантом или он заплатил за них во время их приписки). В результате около половины всех посессионных мануфактур и фабрик перешло на более производительный наемный труд.

Принудительный труд в русской промышленности широко применялся, как уже отмечалось, в форме приписки крестьян к предприятиям. Волнения и протесты вынудили царское правительство дать перечень работ, которые должны были выполнять приписные крестьяне (возка угля, руды; рубка дров; ремонт плотин и др.). В 1779 г. оплата их труда была несколько повышена против норм 1769 г. Крестьянин должен был отработать 1 руб. 70 коп. подушного оклада, получая в летнее время в день 10 коп. (без лошади) или 20 коп. (с лошадью), в зимнее соответственно 8 и 12 коп. [23].

В данный период значительное своеобразие развитию промышленного предпринимательства придавала сложившаяся в России вотчинная форма государственности, которая характеризовалась отсутствием разграничения между суверенитетом и собственностью, в силу чего утверждение права частной собственности, в том числе и на промышленные

предприятия, происходили лишь по мере разложения и свертывания вотчинного государства. Если же говорить непосредственно о Сибири, то здесь генезис частного промышленного предпринимательства осложнялся еще и широким присутствием казенной и кабинетской форм собственности в различных отраслях промышленности региона, что характерно для «государственного феодализма» [18, с. 511].

Более прочные правовые основания частное промышленное предпринимательство получило в первой половине XIX в., когда право собственности купцов на принадлежавшие им промышленные заведения уже значительно меньше подвергалось ограничению со стороны властей. В это время были случаи, когда специальными указами подтверждались владельческие права тех владельцев промышленных предприятий, которые еще в XVIII в. приобрели земельные участки и крепостных работников. Например, в 1823 г. сенатским указом было утверждено «во владение и неотъемлемую собственность» имение стекольного заводчика тобольского купца В. Корнильева.

Индустриальное развитие Сибири, взяв старт вместе с Россией, в целом, как частнокапиталистическое в XVII в., продолжилось как государственно-феодальное предпринимательство Кабинета, казны, дворянства, монастырей [24]. В течение XVIII в. казна монополизировала солепромышленность и винокурение, т.е. произошло вытеснение частного предпринимателя из торгово-промышленной сферы [25, с. 36]. Это, в свою очередь, сказалось на специфике развития предпринимательства в отдельных районах Западной Сибири; например, Кабинет и местные власти сдерживали развитие частного предпринимательства на Алтае. Это выразилось в запрете строить частные предприятия не только в металлургической, но во многих отраслях обрабатывающей промышленности: винокуренной, кирпичной, деревообрабатывающей, стекольной и др., так как их действие могло вызвать помехи в обеспечении кабинетских заводов топливом, водой и другими природными ресурсами.

В Колывано-Воскресенском горном округе было запрещено открывать частным лицам «огнедействующие» предприятия в целях сбережения лесов, винокуренные – в интересах обеспечения хлебом заводского населения [26, с. 32]. По количеству частных предприятий и предпринимателей Барнаул значительно отставал от других городов Томской губернии. Если в Томске их число в 1825 г. составляло 20, то в Барнауле только 4; по этому показателю Барнаул отставал даже от Кузнецка, где их было 7.

Перевозка сибирской меди, выплавленной на кабинетских заводах, в Европейскую Россию обходилась дорого, однако от выплавки меди отказаться

было нельзя, поскольку она в больших количествах содержалась в полиметаллических рудах, из которых добывали серебро. Поэтому в 1763 г. было решено чеканить в Сибири медную монету на Сузунском заводе на Алтае. Эта монета чеканилась с гербом Сибирского царства (два соболя) и имела хождение только внутри Сибири. С 1781 г. монетный двор Сузунского завода стал выделывать монету общероссийского образца.

В результате частное предпринимательство было сведено главным образом к обслуживанию потребностей царского кабинета. Причем ограничения и запреты сдерживали развитие не только частной промышленности, но и торговли. Все это лишало заводчиков и фабрикантов многих источников накопления капитала [27, с. 12].

В условиях государственного феодализма предпринимательская деятельность во многих высокодоходных отраслях промышленности (например в винокурении) рассматривалась как привилегия дворянства. В условиях Западной Сибири, где удельный вес дворянского предпринимательства был невелик, это сдерживало развитие частного промышленного предпринимательства.

По мнению В.П. Зиновьева, для периода со второй четверти XVIII по первую четверть XIX в. характерно постепенное вытеснение частного предпринимательства из промышленности феодальными предпринимателями – казной, Кабинетом, дворянами. Под контроль государства перешла винокуренная промышленность (были скуплены заводы откупщиков Походяшиных и Глебова), солеваренная промышленность. Заводов лишаются также монастыри. Кабинет сосредотачивает в руках наиболее прибыльное горное дело. Заводы частных лиц поступали в казну, а затем – в Кабинет. Казна за фискальные долги скупала предприятия Ланина, Савельева, Власьевского, Демидовых на Алтае и Сибиряковых в Нерчинском округе [28, с. 4].

Сформировавшиеся в XVIII в. комплексы казенных и кабинетских предприятий, из которых был вытеснен частный капитал (горнозаводская, винокуренная, солеваренная, суконная), сохраняли свои монопольные позиции на протяжении всей первой половины XIX в. По словам В.Н. Разгона, казна и Кабинет, «ревниво оберегавшие свои материально-финансовые интересы от конкуренции частного капитала», стремились не допускать в эти сферы промышленности частных предпринимателей, поэтому все попытки купцов организовать соответствующие предприятия либо запрещались в законодательном порядке, либо наталкивались на различные бюрократические препоны и волокиту [18, с. 594].

Частные предприятия в горно-металлургической отрасли в это время вынуждены были действовать в условиях нехватки квалифицированных ра-

бочих кадров, большой конкуренции со стороны казенных и кабинетских предприятий и правовой незащищенности. Все это приводило к их неустойчивости. Так, в 1774 г. московский купец Иван Григорьевич Савельев, наживший капитал на казенных откупах в Сибири, приобрел у казны Ирбинский железоделательный завод. Однако, столкнувшись с большими сложностями в организации производства и с узостью местного рынка, к концу 1780-х гг. полностью разорился.

Период со второй четверти XIX в. по 1861 г. – это этап кризиса государственно-феодалного предпринимательства. Кризисные явления проявлялись в том, что делаются убыточными и закрываются помещионные и помещичьи заводы и фабрики, становится очевидной неэффективность каторжного труда в металлургии, винокурении и солеварении. Это привело к закрытию большей части казенных винокурен, убыточности каторжных предприятий. Кризис кабинетского производства выразился в его полной экономической несостоятельности. Кризис феодалного предпринимательства проявился и в его неспособности овладеть новыми доходными отраслями. Так, новая промышленность – золотодобыча – на 90 % была в руках частного капитала. Старые отрасли, опиравшиеся на принудительный труд, остались за казной и Кабинетом, новые, применявшие труд наемных работников, были в основном частнокапиталистическими. Это золотодобыча, паромовое, обрабатывающая промышленность, за исключением солеварения, винокурения и сукноделия [28, с. 4].

Формирование частнопредпринимательских предприятий в обрабатывающей промышленности представляло известную сложность. В регионе было мало капиталов. Капитал из России, которому хватало дел в метрополии, если и попадал в Сибирь, то направлялся в те отрасли, которые давали быструю и верную прибыль, например, в торговлю пушниной или винные откупа.

Купеческий капитал в этот период охотно шел в винокурение. В 1714 г. указом Петра I в Сибири разрешалось курить вино людям всяких чинов свободно «с объявлением об этом начальству и в заклеянной посуде, полагая сбору со всякого ведра по полуполтине в год». Дешевизна хлеба, несложное производство, гарантированный сбыт – все это обеспечивало высокую и стабильную прибыль. В хлебных районах Сибири появились десятки винокурен, организованных на средства частных лиц. Винокурение по размерам производства и уровню его организации занимало в Сибири особое место. Самый крупный в регионе винокурный завод того времени построил в 1756 г. близ Иркутска генерал-прокурор А. Глебов. Один из богатейших сибирских купцов Максим Михайлович

Походяшин владел 5 винокурными заводами в Тюмени, Екатеринбурге, Ирбите и других местах.

Винокурение привлекало пристальное внимание законодателей. Указы, регламентирующие эту отрасль, издавались один за другим: сенатский от 28 сентября 1749 г. «О порядке заключения контрактов на поставку вина; о запечатании излишних кубов и казанов у помещиков, не вступивших в подряд; об оставлении им для курения вина на домовые их расходы от 2 до 4 кубов, и о прибавке кубов, знатным особам, с дозволения Камер-Коллегии»; сенатский от 16 ноября 1749 г. «Об уравниении числа кубов и казанов, в курении вина помещикам, против винных подрядчиков из купечества»; сенатский от 19 июля 1754 г. «О допущении к подрядам на поставку вина одних помещиков, и о возбранении курить вино другого звания людям»; сенатский, вследствие Именного августа 22 дня от 17 ноября 1794 г. «О дозволении помещикам курить вино для домового расхода и о предостережениях от корчемной выкурки и распродажи вина»; именной, данный генерал-прокурору от 22 августа 1794 г. «О дозволении дворянам курить вино в их вотчинах для домового расхода; о допущении дворян к откупам с залогами; о наблюдении генерал-губернаторам и губернаторам, дабы градские и окружные полиции старались искоренять корчемство, и об обязанности уездных стряпчих производить донос и иск на тех, у кого оно окажется» и т.д. [29–33].

Выгоды винокурения были настолько очевидны, что в 50-х гг. XVIII в. государство превращает отрасль в казенную и дворянскую монополию. 19 июля 1754 г. вышел указ Сената, согласно которому к подрядным поставкам вина на территории европейской части страны, начиная с 1755 г., допускались только дворяне-помещики. В следующем году этот порядок заготовления вина был распространен на Сибирь [34, 35].

В конце века государство прекращает и дворянское предпринимательство в этой отрасли. В 1780-х – начале 1790-х гг. были куплены в казну все имевшиеся в Сибири винокурные заводы, а для повышения стабильности их работы власти прибегают к использованию принудительного труда. Так винокурная промышленность утратила капиталистические черты, которыми обладала прежде.

Таким образом, государство в ряде случаев сдерживало развитие частного предпринимательства, особенно в тех отраслях промышленности, которые обладали большой доходностью.

Неограниченная монополия казны на винокурение, длительное время существовавшая в Сибири и затруднявшая накопление частных капиталов на основе этой сферы предпринимательства, являлась одной из особенностей процесса первоначального накопления капитала в этом регионе [18, с. 556–557].

Казенная монополия на винокурение в Сибири не была отменена, а только ограничена после введения в действие в 1837 г. высочайше утвержденного положения Комитета министров о разрешении лицам дворянского сословия заводить на территории Сибири винокуренные заводы [36, л. 20 об].

Для купечества винокурение по-прежнему оставалось под запретом, поэтому некоторые из купцов, активно занимавшихся откупной продажей вина и получавших от властей отказ в устройстве собственных заводов, нашли выход в том, что записывали винокурни на имя своих родственников, обладавших дворянским званием. Так, например, поступил томский купец С. Попов, построивший Александровский винокуренный завод в Спасской волости и официально зарегистрировавший его на имя дочери, вышедшей замуж за действительного статского советника Завелейского [18, с. 557].

Некоторые казенные винокуренные заводы в эти годы стали передаваться в аренду. Крупнейшим винокуренным заводом Западной Сибири был Киревский, который с 1854 г. арендовал чиновник Булашевич. В 1860 г. завод перешел во владение томскому первой гильдии купцу Б.Л. Хотимскому. В начале 1860-х гг. этот завод производил более 700 000 ведер спирта на сумму более 500 тыс. руб., на нем работало 150 рабочих. Показательно, что до сдачи завода в аренду частным предпринимателям на нем работало 850 рабочих из ссыльных, а производство было в несколько раз меньше [37, с. 117].

По мнению В.Н. Разгона, допущение, хотя и в ограниченном виде, частного предпринимательства в этой отрасли, ранее находившейся в монопольном ведении казны, свидетельствовало об определенных изменениях в экономической политике правительства, связанных с усилением ориентации на стимулирование частного предпринимательства даже ценой отказа от части казенных доходов. Действительно, Комитет министров в 1837 г. высказывался за разрешение частного винокурения в Сибири даже в случае, если это приведет к некоторому сокращению доходов казны от винной монополии. В этом просматривается явный сдвиг в сторону признания частного капитала и частной инициативы в качестве важной движущей силы развития даже в тех отраслях промышленности, которые традиционно считались сферой приоритета казенных интересов [18, с. 558, 606].

Таким образом, государственно-правовое регулирование промышленного предпринимательства

было одним из важнейших факторов, определявших его развитие на протяжении изучаемого периода. С начала XVIII в. большое значение начинает иметь поддержка, и даже прямое насаждение правительством промышленного производства, развивавшегося как в форме частного, так и казенно-кабинетского предпринимательства. Правительственная поддержка проявлялась в отводе под промышленные предприятия земель и лесов, приписке к ним крестьян, мастеровых, ссыльных, выдаче кредитов, освобождении промышленников от казенных и общественных служб, предоставлении льгот по уплате налоговых и акцизных сборов. Часто привилегии, предоставляемые промышленникам, облекались в форму монополии, характерную для феодального периода.

Тем не менее политика правительства, направленная на стимулирование развития промышленности, не всегда предполагала поощрение частного предпринимательства. Для этого периода было характерно стремление властей развивать промышленность, сохраняя господствующий уклад помещичьего хозяйства. Это находило выражение в ограничении прав купечества на покупку крепостных работников, в предоставлении дворянам монопольных прав на занятие некоторыми отраслями промышленного производства, в сохранении за собственниками земли преимущественного права на разработку ее недр (принцип «горной свободы», введенный Петром I, был отменен в 1782 г.).

Кроме того, сложившейся исторически «вотчинной» формой российской государственности обуславливалась значительная роль, которую играла на ранней стадии модернизации российской экономики казенная и кабинетская промышленность.

В Сибири эта роль была особенно велика. При отсутствии в регионе помещичьего землевладения возобладали взгляд на регион как на своеобразную вотчину казны и Кабинета, располагавших здесь огромными земельными угодьями. В XVIII в., по словам В.Н. Разгона, «происходит наращивание потенциала государственной собственности» [18, с. 591], что выражалось в установлении в Сибири казенной монополии на винокурение и солеварение, переходе в военное ведомство сукнодельного производства, а главное – в создании крупного горно-металлургического комплекса по производству серебра на Алтае.

Поступила в редакцию 22.09.2006

Литература и источники

1. Разгон В.Н. Торгующие крестьяне в Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2001. № 2.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. (ПСЗ РИ-1). Т. V. № 2770.
3. Там же. Т. VII. № 4566.
4. Там же. Т. XIII. № 9889.
5. Дружинина А.В. Российское законодательство и развитие городской торговли в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе. Иркутск, 2004. Ч. II, III.
6. ПСЗ РИ-1. Т. XX. № 14275.
7. Российское законодательство X–XX вв. М., 1987. Т. 5.
8. Хромов П.А. Экономическая история СССР: Первобытно-общинный и феодальный способы производства в России. М., 1988.
9. ПСЗ РИ-1. Т. XIV. № 10622
10. Там же. Т. XVI. № 11761.
11. Там же. Т. XVIII. № 13374.
12. Там же. Т. XVI. № 11642.
13. Там же. Т. VI. № 3827.
14. Там же. Т. VII. № 4237.
15. Там же. № 3808.
16. Там же. Т. VI. № 3711.
17. Там же. Т. VI, XIII. № 9954.
18. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в.: Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999.
19. ПСЗ РИ-1. Т. XVI. № 11638.
20. Там же. Т. XXVII. № 20352.
21. Там же. № 19641.
22. История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. I.
23. ПСЗ РИ-1. Т. XX. № 14878.
24. Там же. Т. XIV. № 10261.
25. Зиновьев В.П. Особенности становления индустриального общества в Сибири в XIX – начале XX вв. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. Томск, 2003.
26. Борблик Е.М. Роль местной администрации в развитии предпринимательства на юге Западной Сибири в XVIII в. // Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994.
27. Разгон В.Н. Частное предпринимательство на Алтае в XVIII – первой половине XIX вв. // Предпринимательство на Алтае XVIII – 1920-е годы. Барнаул, 1993.
28. Зиновьев В.П. Государственное и частное предпринимательство в Сибири // Предпринимательство в Сибири: Материалы научной конференции (Барнаул. 7–9 сентября 1993 г.). Барнаул, 1994.
29. ПСЗ РИ-1. Т. XIII. № 9670.
30. Там же. № 9683.
31. Там же. Т. XIV. № 10261.
32. Там же. Т. XXII. № 17271.
33. Там же. № 17245.
34. Там же. Т. XIV. № 10261.
35. Там же. № 10497.
36. Российский государственный исторический архив. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 145.
37. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996.